

mastered in propagandist and social work should come to take the place of his classic predecessor who was a mere instructor. The delicate sphere of teachers' relations with students, parents and bureaucracy served a polygon where the Soviet rulers tested new

methods of propaganda, as well as means to direct the lines of interaction between social groups.

Key words: political education, society, the teacher, school, the power, ideology, an education system.

УДК 929 Аксакова

Кулешов А.С.

СУДЬБА Т.А. АКСАКОВОЙ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ XX В.*

Аннотация. В статье на примере судьбы известной мемуаристки Т.А. Аксаковой (урожденной Сиверс) рассматриваются процессы социальной адаптации российского дворянства после 1917 г., причины и механизм репрессий 1930-х гг., направленных против представителей этого сословия, а также процесс реабилитации 1950-х гг.

Ключевые слова: дворянство, мемуары, политические репрессии, реабилитация, Аксаковы.

Гуманизация современного научного знания свидетельствует о фундаментальных изменениях, происходящих в общественном сознании. Интерес к личности проявился в широком распространении методики «микроистории», исследований по истории семьи и частной жизни индивидуума.

Несмотря на рост количества генеалогических исследований, посвященных, в основном, дворянству, остаются большие пробелы в его истории в XX в. Сложность состоит в том, что при отсутствии специфических источников, ориентированных исключительно на дворянское сословие, требуется последовательное, систематическое, комплексное изучение истории большой группы дворянских семей, в результате которого может сложиться достоверное знание о процессах, происходивших во дворянстве в XX веке. Единственная возможность исправить ситуацию – изучать историю конкретных семей.

К числу известных семей, принадлежащих к древнему дворянству, относятся Аксаковы.

Среди источников личного происхождения о роде особое место занимают воспоминания Татьяны Александровны Аксаковой (1892-1981), дочери известного историка, генеалога и нумизмата Александра Александровича Сиверса, жены Бориса Сергеевича Аксакова. Они были написаны в 1945-1970 гг. [6, 7 - 9]. В них содержится обширная информация о судьбах представителей многих

дворянских родов, сведения о быте и образе жизни русского дворянства, о революционных потрясениях 1917 г., гражданской войне, эмиграции и периоде политических репрессий. Воспоминания можно охарактеризовать как источник высокой степени достоверности, как одни из лучших мемуаров, касающиеся истории России первой половины - середины XX века.

Мемуаристка родилась 12 октября 1892 г. (по старому стилю) в Санкт - Петербурге. Ее отец А.А. Сиверс принадлежал к древнему прибалтийскому роду, занимал видный пост в Министерстве Императорского Двора и имел придворное звание камергера. Училась Т.А. Сиверс в престижной гимназии С.А. Арсеньевой в Москве, а в 1910-1913 годы в Строгановском училище.

Борис Сергеевич Аксаков (1886 г. рождения) к моменту знакомства с ней носил звание подпоручика. Венчание их состоялось в Москве, в церкви Бориса и Глеба «что у Арбатских ворот». 24 июля 1915 г. у молодоженов родился сын Дмитрий. В 1916 г. Б. Аксаков командовал образцовой ротой охраны Московского Кремля, где с семьей проживал в казенной квартире.

В апреле 1917 г. Аксаков убыл в действующую армию, в штаб 26-го армейского корпуса, [1] а его семья уехала в Калужскую губернию. В 1918-1919 г. его жена работала делопроизводителем молочной фермы Козельского земотдела, откуда была уволена из-за дворянского происхождения. В это время Борис находился в частях Добровольческой армии на юге России, куда убыл осенью 1918 г. В период эвакуации армии из Новороссийска в 1920 г. Борис Сергеевич Аксаков тяжело заболел тифом и не смог покинуть Россию.

В 1928 г. Аксаковы переехали в Ленинград, но Борис Сергеевич не смог найти подходящего места и, «так как политическая обстановка отнюдь не разряжалась», [6, 443] подписал трехлетний контракт и уехал в Казахстан, в Кызыл-Орду, где занимался сельскохозяйственным снабжени-

---

* © Кулешов А.С.

ем республики.

В 1931 г. началась очередная кампания по очистке советских учреждений от «социально чуждых элементов», главным основанием служило происхождение. В 1932 г. семья Аксаковых попала в поле зрения органов государственной безопасности. Причиной послужил младший брат Бориса, Сергей Сергеевич Аксаков. В это время он стал активно разрабатываться органами государственной безопасности в связи с его активным участием в Белом движении, антисоветской деятельностью и регулярными нелегальными проникновениями в СССР.

Т.А. Аксакова была вызвана в «Большой дом» на Шпалерную улицу, где допрошена о контактах с братом мужа. Особенно интересовала органы безопасности ее встреча с С.С. Аксаковым, произошедшая в 1926 г. в Париже, а также содержание их разговоров. В мемуарах она писала: «Я сказала, что он расспрашивал меня о жизни в СССР (что было вполне естественно) и что я отвечала на его вопросы в общих чертах – никаких сведений, выходящих за круг обывательских, я не давала и не могла давать, так как ими не обладала» [6, 479].

В начале 1930-х гг. в отношении между Аксаковыми испортились, стали формальными. Летом 1933 г. было решено, что Борис и Татьяна вскоре оформят развод, и осенью Б.С. Аксаков уехал в Москву.

Оставшись без материальной поддержки, Т.А. Аксакова впервые в жизни устроилась на службу, как она писала в воспоминаниях, «с половины зимы 1933-1934 гг. стала совслужащей». Ее приняли на должность статистика в V пункт охраны материнства и младенчества. В анкете, заполненной при ее аресте в феврале 1935 г., указано, что Т.А. Аксакова работала медицинской сестрой Санитарного бюро при Больнице имени Перовской [4, 3].

Развод помог Б.С. Аксакову избежать ареста и высылки в 1935 г., поскольку репрессии носили локальный характер, касаясь преимущественно жителей Ленинграда. В последующие годы он работал экономистом в различных учреждениях. Умер Б.С. Аксаков 3 марта 1954 г. и похоронен на Пятницком кладбище Москвы.

Официальный развод между Т.А. и Б.С. Аксаковыми был оформлен в сентябре 1934 г. Татьяна Александровна оставила фамилию мужа. Вскоре она собиралась выйти замуж за князя В.С. Львова, однако оформить брак они не успели.

Бытовое убийство С.М. Кирова в Ленинграде было использовано в политических целях. Начались массовые репрессии против дворянства. 11 февраля 1935 г. Т. Аксакова была вызвана в местное Управление НКВД. Вопрос об аресте, как ей показалось, решался в момент допроса. В вос-

поминаниях она писала, что, уходя с протоколом допроса к начальству, следователь сказал, что она еще успеет на работу в вечернюю смену, но, вернувшись, был уже «менее любезным». Независимо от содержания протокола участь ее оказалась «уже предрешена» [7, 6].

Ей предъявили обвинение в соучастии в «шпионской деятельности» братьев Львовых, которое выразилось в выполнении их поручений при поездках за границу. Обвиняли также в том, что она была сестрой «англо - разведчика и террориста» С.С. Аксакова [4, 1], хотя тот был младшим братом ее бывшего мужа. Ей инкриминировалась статья 58-6 Уголовного кодекса РСФСР.

«Поручениями князей Львовых» в материалах следствия называлась встреча с их сестрами Елизаветой, состоявшей в браке с С.К. Терещенко, и Еленой, которые выехали из советской России и проживали в Париже. Встреча состоялась по просьбе их родителей и имела своей целью взять памятные вещи умершего в 1925 г. дяди, Г.Е. Львова (Евангелие и очки) [6, 435].

Т.А. Аксакова была подвергнута допросу четыре раза: 11 февраля, 12 марта и 22 марта (дважды). По ее воспоминаниям, допросы велись «вполне корректно». Отвечая на вопросы следователя, обвиняемая неоднократно умышленно искажала факты. Так, о месте службы мужа на момент их бракосочетания она сказала, что тот являлся управляющим имениями князей Вяземских [7, 357], хотя на самом деле он в чине поручика служил в Лейб-гвардии Московском полку. Такая информация, видимо, казалась ей менее опасной.

На первом допросе от обвиняемой требовали подробно рассказать свою биографию. Были затребованы сведения обо всех ближайших родственниках – отце, матери, муже, сыне и др. Особенно интересовало следователя, кто из родственников находится за границей и какие связи задержанная с ними поддерживает.

Спрашивали ее и о родственниках, проживавших в СССР, о знакомых. Татьяна Александровна старалась очень осмотрительно отвечать на подобные вопросы. Из многочисленных знакомых она назвала только супругов Леонутовых, отметив, что те происходят «из мещан», а также князей Львовых, отрицать знакомство с которыми было нелепо.

Несколько вопросов было задано о брате бывшего мужа С.С. Аксакове, о встрече с ним, о содержании их разговора. Все это истолковывалось следствием, как установление «связи» со шпионом, хотя Т.А. Аксакова неоднократно подчеркивала, что беседа касалась исключительно семейных дел, и никаких поручений он ей не давал. Утверждение, что встреча с Сергеем Сергеевичем состоялась один раз, не соответствовало

действительности. В воспоминаниях упомянуто о трех встречах [6, 418]. Эти факты могли быть истолкованы следствием как регулярные встречи, и Аксакова благоразумно о них не упомянула.

У Т.А. Аксаковой сложилось ошибочное впечатление, что ее ни в чем не обвиняли, но производивший благоприятное впечатление следователь Семеняко четко выполнял политическое указание руководства. 26 марта 1935 г. он вынес постановление, в котором изложил установленные факты. Две поездки за границу, в ходе которых Т.А. Аксакова «выполняла поручения» от князей Львовых, встречи с «белоэмигрантами» и с матерью, княгиней Вяземской, которая содержит в Ницце ресторан. Особое значение придавалось С.С. Аксакову. Отдельным абзацем в постановлении выделен факт их встречи, что трактовалось как «поддержание связи» с «англо-разведчиком». Из постановления, однако, оставалось не ясно, занимался ли С.С. Аксаков разведывательной деятельностью на момент встречи в Париже в 1926 г., но следователя это несколько не смущало.

Тем не менее, обвинению собранных фактов оказалось недостаточно, чтобы считать контрреволюционную и шпионскую деятельность братьев Львовых и Аксаковой доказанной, а задержанные лица были признаны «социально опасными» [4, 81 - 82]. 31 марта 1935 г. Особое совещание при НКВД приговорило Т.А. Аксакову к высылке в Саратов сроком на 5 лет.

С приговоренных лиц брали подписку о невыезде, выпускали из тюрьмы с указанием явиться на следующий день за дальнейшими указаниями. Утром следующего дня в канцелярии были объявлены приговоры и даны три дня на сборы. Жилплощадь ссыльных поступала в распоряжение Управления НКВД [7, 12].

В Саратове Аксакова работала вышивальщицей и давала уроки французского языка. Чтобы получить возможность официального преподавания, она поступила на курсы повышения квалификации при техникуме иностранных языков, хотя блестяще владела французским языком. Числясь учащейся, сама вела на курсах групповые занятия.

Она постоянно оставалась в поле зрения органов НКВД. 2 ноября 1937 г. был выписан ордер на производство в ее комнате обыска и арест, который был произведен в ночь на 3 ноября. При обыске изъяли «вещественные доказательства»: 14 фотографий, 7 негативов, более 600 листов переписки, 68 «разных квитанций», 15 листов «разных записей» и тетрадь со стихами [4, 17].

В 1937 г. Т.А. Аксакова привлекалась вместе с высланными из Ленинграда в Саратов профессором Ю.В. Скобельцыным и его женой. Им, как и многим тысячам соотечественников, органы го-

сударственной безопасности инкриминировали печально известную 58 статью Уголовного кодекса РСФСР. Непосредственным поводом для ареста послужило празднование Нового, 1937 г. Т.А. Аксакова была приглашена домой к Скобельцыным, где собралось 10-12 человек из числа высланной ленинградской интеллигенции. В материалах дела бытовое застолье фигурировало как «преступное сборище» [7, 31].

4 ноября она дала показания о своей биографии [5, 20]. Затем, почти месяц к следователю ее не вызывали. Только 27 ноября 1937 г. [7, 39] ее допросили вторично, причем в деле сохранилось сразу три протокола, датированных одним днем [5, 21 - 27]. Такая длительность объяснялась тем, что допрос начался ночью, и, видимо, продолжался почти сутки. Как указывала Татьяна Александровна впоследствии, допросы велись «в крайне грубой форме». Способы их ведения, которые применялись «пользовавшимся дурной славой» следователем Дудкиным, она подробно описала в мемуарах: «По сравнению с другими, Дудкин был ко мне милостив: он заставил меня «думать», сидя на стуле, а не стоя на ногах до потери сознания; отправив в тюремный карцер «для размышления», продержал там не более часа и, бросив в меня мраморное пресс-папье, он, как мне кажется, нарочно промахнулся» [7, 40].

На первом допросе следователь вновь спрашивал о связи с границей и родственниках, на втором – о знакомствах среди административно высланных ленинградцев. На опасный вопрос о том, велись ли среди присутствовавших разговоры о политике, она ответила, что «никаких разговоров на политические темы среди нас не велось» [5, 24]. Тогда следователь обвинил ее во лжи и сказал, что «следствием точно установлено», что на «сборищах» велись антисоветские разговоры против мероприятий ВКП(б), но Аксакова твердо настаивала на отсутствии подобных бесед. Видимо, в тот момент и были применены меры, о которых сообщала Т.А. Аксакова в своих мемуарах.

Затем следователь изменил тактику допроса. Он спросил, велись ли «антисоветские» разговоры о ссылке в Саратов. На него Т.А. Аксакова ответила, что ссылка обсуждалась и высказывалась обида, что «нас невинно выслали из Ленинграда», особенно резко об этом высказывался Ю.В. Скобельцын. Помимо этого, в протоколе было записано, что профессор Н.А. Орлов «допускал клеветнические измышления по адресу научных учреждений и студенчества» [5, 25]. Провокационные намеки следователя о разговорах, дискредитировавших руководство ВКП(б) и Советскую власть, Т.А. Аксакова категорически отрицала. Тогда Дудкин сослался на показания Н.А. Орлова о том, что высказывались не только «антисоветские», но

и террористические мысли против руководства ВКП(б) и Советского правительства, а также «надежда» на изменение образа правления. Татьяна Александровна назвала показания Н.А. Орлова ложью.

Тексты допросов передают содержание реальных разговоров следователя и Т.А. Аксаковой лишь примерно. В мемуарах же она приводила те фрагменты диалога, которые в протоколы не вошли, поскольку для следствия оказались неинтересными. Например, на вопрос о том, что происходило на вечере у Скобельцыных, Татьяна Александровна ответила, что она читала стихи, а следователь заявил, что его это «совсем не интересует» [7, 40].

Тем не менее, в обвинительном заключении от 7 декабря 1937 г. утверждалось, что следствием установлено: супруги Скобельцыны и Т.А. Аксакова «являлись враждебно настроенными к ВКП(б) и Советской власти», и «для совместной борьбы с соввластью вошли в состав антисоветской - террористической группы», руководителем которой являлся Н.А. Орлов. Под его руководством Скобельцыны и Т.А. Аксакова устраивали «частые сборища на квартирах», где вели «антисоветскую и террористическую пропаганду против руководства ВКП(б) и Советского правительства, распространяли разного рода клеветнические измышления о, якобы, плохой жизни трудящихся страны». Татьяна Александровна конкретно обвинялась в том, что являлась участницей «антисоветской террористической группы» и вела антисоветскую террористическую пропаганду. В заключении отмечалось, что Т.А. Аксакова виновной себя признала частично, но уличается показаниями Ю.В. Скобельцына и супругов Орловых. Никаких других доказательств в деле не было и в обвинительном заключении не приводилось, а супружеская чета Орловых к тому времени уже была расстреляна.

Приговор повторял текст фальсифицированного обвинительного заключения, согласно которому, Т.А. Аксакова «принимала активное участие на ее сборищах, где среди своего окружения проводила а[нти]с[оветскую] клеветническую агитацию, направленную на дискредитацию руководителей партии, сов[етского] правительства, путем распространения всевозможных провокационных и клеветнических измышлений о советской науке, госзаймах, развитии методов стахановского движения в стране и др. проводимых мероприятий партии и соввласти, что все это якобы ведет трудящихся к каторжному труду и обнищанию страны» [5, 45]. 24 декабря 1937 г. судебная тройка при Управлении НКВД по Саратовской области приговорила ее к 8 годам концлагерей.

Сообщили ей о приговоре только через полгода. Задержка была вызвана тем, что для

размещения заключенных в СССР не хватало исправительно-трудовых лагерей, и они строились в течение зимы 1937-1938 гг. Объявление приговора в тюремной канцелярии показалось Татьяне Александровне и другим заключенным «какой-то нелепой шуткой», в которую «никто не верил» [7, 45]. Несмотря на приговор, Т.А. Аксакова не могла согласиться с абсурдными обвинениями и вскоре начала трудную и длительную борьбу за пересмотр несправедливого решения.

В январе 1939 г. она обратилась в Президиум Верховного Совета СССР с жалобой на ошибочное осуждение и просила пересмотреть дело [5, 93 = 95]. В ней единственным поводом ареста назывался факт высылки из Ленинграда в 1935 г., вина полностью отрицалась. Дело пересматривалось органами НКВД и Прокуратурой по спецделам Саратовской области, однако во всех ходатайствах об отмене решения тройки было отказано. Существование «антисоветской террористической организации» в Саратове в 1937 г. признавалось доказанным, хотя основывалось только на показаниях расстрелянных супругов Орловых.

Свой срок Т.А. Аксакова отбывала в Устьвымлаге в Коми АССР, который располагался около Локчима, притока реки Вычегды. В июле 1943 г. она была досрочно освобождена по болезни, которой заболела в заключении, и как отбывшая больше половины срока [5, 171]. Поскольку для поселения ей разрешались только Сибирь и Кавказ, она избрала для жительства поселок Вятские Поляны Кировской области. В Вятские Поляны Татьяна Александровна прибыла 25 августа 1943 г.

Знания и квалификация Т.А. Аксаковой оказались востребованы в далеком сибирском городке. Она устроилась работать в районную больницу сначала сестрой инфекционного отделения, затем перешла на должность медицинского статистика, одновременно исполняла обязанности анестезиолога в хирургическом отделении [5, 175].

Одновременно, с ноября 1943 г. она преподавала иностранный язык в Школе рабочей молодежи, а также вела кружок английского языка в Доме техники военного завода. В городе циркулировало немало слухов о ее прошлом. Классическое образование, незаурядные познания, широта взглядов, глубокая внутренняя культура требовали реализации в любых условиях. Татьяна Александровна писала стихи, которые давала читать друзьям, изредка публиковала в стенгазете. Т.А. Аксакова в силу своего кругозора реагировала на любые новости и события в культурной и политической жизни страны, давая точные и порой резкие оценки происходящему.

В Школе рабочей молодежи она проявила незаурядные педагогические способности, наладив прекрасные отношения с учениками. «В клас-

се я чувствовала себя свободно, уверенно, хотя преподавать было трудно: уровень учащихся был весьма неравномерен» [7, 140]. Занятия не сводились только к изучению предмета. Татьяна Александровна стремилась сделать их интересными, рассказывала ученикам занимательные факты, имевшие отдаленное отношение к программе. Ученики спрашивали ее о Венеции, Египте, пирамидах и, наконец, о балах.

В конце 1940-х – начале 1950-х годов в СССР снова стала нарастать политическая напряженность, началась очередная кампания по поиску врагов внутри государства. В связи с этим, в августе 1951 г. Т.А. Аксакову уволили из Школы рабочей молодежи из-за ее «политической неблагонадежности». Однако потребность в преподавателях иностранных языков в городе сохранялась, и через неделю после увольнения к ней обратились с просьбой начать занятия в заочном машиностроительном техникуме.

На протяжении второй половины 1940-х – начала 1950-х годов Татьяна Александровна продолжала бороться за свою реабилитацию.

В 1947 г. она собирала документы для снятия судимости. Однако заключение Управления Министерства государственной безопасности СССР по Кировской области (от 20 января 1948 г.) по ее делу оказалось неблагоприятным [5, 198]. Особое внимание уделялось ее родственникам: гражданскому мужу В.С. Львову (арестованному в 1937 г.) и бывшему мужу Б.С. Аксакову (о котором указано, что он сын председателя Калужской земской управы и арестовывался). По поводу существования антисоветской группы в Саратове не только не выражалось ни малейшего сомнения, но и подчеркивалось, что «за период проживания Аксаковой в гор. В. Поляны Кировской области также получено ряд данных о связи ее с антисоветским элементом и проведении антисоветской агитации», свидетельствующих о том, что она «не прекратила антисоветской деятельности» [5, 199]. Вывод из подобного обзора мог быть только один – в снятии судимости отказать.

В заключении инстанций обращают на себя внимание два момента.

Во - первых, его составители явно пользовались не только материалами дел 1935 и 1937 годов, но и какими-то дополнительными источниками, скорее всего – материалами негласного наблюдения за Т.А. Аксаковой.

Во - вторых, особое внимание уделялось связям с границей, что полностью соответствовало политической обстановке конца 1940-х годов, кампании по борьбе с космополитизмом.

17 апреля 1948 г. Особое совещание при Министре государственной безопасности СССР Аксаковой в снятии судимости отказало.

Видимо, заподозрив предвзятое отношение к себе со стороны органов (к этому времени некоторые репрессированные, в том числе проходившие с ней по одному делу, уже добились реабилитации), она в конце августа 1952 г. направила письмо на имя И.В. Сталина [5, 169]. В нем излагалась просьба о снятии судимости и о возможности поселиться вблизи от пожилого отца, живущего в Москве или хотя бы иметь разрешение его навещать. В октябре повторно заполнила специальное заявление о снятии судимости и собрала документы, приложив исключительно положительную характеристику из районной больницы. 17 января 1953 г. Особое совещание при Министре государственной безопасности СССР в очередной раз отказало Аксаковой в ее просьбе [5, 186].

В мае 1953 г. Т.А. Аксакова обратилась к Генеральному прокурору СССР Сафонову [5, 201]. Ответа долго не было, в высших эшелонах власти происходили политические изменения, от которых зависело решение проблемы с незаконно репрессированными в целом.

В феврале 1954 г. было направлено повторное заявление Генеральному прокурору СССР (уже Р.А. Руденко) с просьбой рассмотреть прежнее ходатайство [5, 139]. В марте 1954 г. было составлено заключение по делу. В нем впервые предлагалось снять судимость 1937 г. [5, 190]. О ранней судимости 1935 г. в документе не упоминалось.

В марте 1955 г. Татьяна Александровна обратилась к прокурору Саратовской области по спецделам с просьбой ускорить пересмотр дела. Старшим следователем Мешковым дело было пересмотрено. В заключении, датированном 13 октября 1954 г., указывалось, что из показаний обвиняемых не ясно, какие конкретно антисоветские разговоры велись, и кто именно их вел. Еще более нелепыми являлись показания В.И. Орловой, которая назвала Аксакову знакомой, но в числе присутствовавших на «сборищах» лиц не указала. В отличие от приговора, в заключении правильно указано, что Т.А. Аксакова виновной себя не признала. Были обнаружены также формальные процессуальные нарушения.

В сентябре 1955 г. военный прокурор Приволжского военного округа в порядке надзора внес протест на приговор тройки при Управлении НКВД по Саратовской области и последующие постановления Особого совещания при Министре государственной безопасности СССР, в котором указано, что они не могут оставаться в силе, и подлежат отмене. В протесте, в отличие от заключения 1954 г., делу дана более объективная и однозначная оценка. Показания Орловых признаны не только общими и неконкретными, но и сомнительными по содержанию, поскольку из них не видно, где, когда и при каких обстоятельствах

были допущены «антисоветские высказывания» и в чем они заключались. Арест и осуждение Т.А. Аксаковой и Скобельцыных признавались необоснованными, а доказательства их виновности отсутствующими. На основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 г. было предложено все постановления отменить и дело прекратить за отсутствием состава преступления в действиях всех осужденных. Именно такое решение и вынес Военный трибунал Приволжского военного округа в определении от 27 сентября 1955 г. [5, 147].

Это была долгожданная победа, однако, судимость 1935 г. за ней оставалась. В июле 1956 г. Т.А. Аксакова обратилась к прокурору Ленинграда Тихомирову с заявлением о пересмотре дела и реабилитации. В нем она четко указала, что ее единственной виной и основанием для репрессий являлось дворянское происхождение [4, 93].

19 марта 1957 г. президиум Ленинградского городского суда отменил постановление Особого совещания при НКВД СССР за отсутствием состава преступления, и Т.А. Аксакова была признана полностью реабилитированной [4, 104].

Таким образом, полная реабилитация Татьяны Александровны Аксаковой заняла целых 20 лет после даты последнего приговора. К тому времени она осталась совершенно одинокой, все близкие родственники умерли. Татьяна Александровна продолжала общаться со старыми знакомыми, вести активную жизнь, поддерживала переписку. В начале 1970-х годов она оказывала помощь в родословных изысканиях известному генеалогу-любителю А.А. Григорову, которому сообщила

сведения о месте нахождения рукописей отца, послала материалы по родословию Лермонтовых, Шиповых и других дворянских семей [3].

Скончалась Татьяна Александровна Аксакова 3 декабря 1981 г. в Ижевске.

Именно в конкретных человеческих судьбах, таких, как судьба Т.А. Аксаковой, отражаются политические события, общественные катаклизмы, экономические закономерности, культурные традиции. Изучение истории любого конкретного рода позволяет реализовать теоретическое положение исторической науки о необходимости сочетания макро- и микроисторических подходов при оценке и познании прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. РГВИА. – Ф. 409. – Оп. 1. – Д. 151001.
2. ГАКО. – Ф. Р-1498. – Оп. 4. – Д. 54.
3. ОР РГБ. – Ф. 817. – К. 70. – Д. 28.
4. Архив Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. – Д. П-27254.
5. Архив Управления ФСБ РФ по Саратовской области. – Д. ОФ-7635.
6. Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. – М., 2005. – Кн. 1.

A. Kuleshov

DESTINY T.A. AKSAKOVY IN THE CONTEXT OF THE POLITICAL PROCESSES OF XX CENTURY

Abstract: This article is about T.A. Aksakovs life , as example Russian noblemen tragic fates after 1917 year, reasons 1930–1940 years repressions against her social class.

Key words: nobility, memoirs, political reprisals, rehabilitation, Aksakovs.

УДК 331.105.24(470.324)“1929/1932”

Ходаковский В.В.

ПОЛОЖЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ РАБОЧИХ В ВОРОНЕЖЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ*

Аннотация. В статье на основе изучения архивных источников показано материальное положение иностранных рабочих и специалистов, находившихся в г. Воронеже в период первой пятилетки. Показаны причины, побудившие иностранцев приехать в СССР, и мотивы советского руководства, привлекавшего к работе зарубежных специалистов. Воссозданы условия жизни иностранных граждан, привлеченных к строительству воронежских предприятий. Отображены идеологические мероприятия местной администрации,

направленные на формирование у иностранцев позитивного впечатления о Советском Союзе.

Ключевые слова: Воронеж, индустриализация, первая пятилетка, иностранные рабочие

В настоящее время в условиях глобализации и широких возможностей обмена рабочей силой между государствами интересно изучить первые примеры привлечения иностранных специалистов в СССР. В начале 1930-х гг. для проведения в жизнь задач индустриализации советское руководство нуждалось в высококвалифициро-

* © Ходаковский В.В.